

Вере Михайловне Арташовой

ПОСВЯЩАЕТСЯ.

Автор выражает благодарность старшему научному сотруднику вологодского музея Мире Евсеевне Дайн, врачу писателю-краеведу Виталию Ивановичу Новоселову и старожилам села за оказанную помощь в работе.

Брошюра отпечатана на средства коллектива лечебно-производственных мастерских при Психобольнице № 1, директор Юрий Васильевич Корешков.

ФОТОГРАФИИ

1. На обложке: Николаевская Кувшиновская церковь. Снимок 1930 годов.

2. Стр. 17. Старейшие жители села. Во втором ряду слева направо: Холмогоров А. Д., Коканова Е. П., Уханов К. Ф., Тяпин В. П., и Кудряшова Н. Снимок конца 1920 годов.

3. Стр. 20. Персонал второго мужского отделения в начале 1950 годов. В центре в первом ряду врач (из репрессированных) Шмулевич И. И., справа от него старшая медсестра Анна Ивановна Камерская. Снимок 1953 года.

4. Стр. 22. Памятник односельчанам и работникам больницы погибшим в годы войны. Снимок 1980 годов.

Снимки к печати подготовил фотограф Леонид Стариков.

К СТОЛЕТИЮ КУВШИНОВСКОЙ ЛЕЧЕБНИЦЫ

Село Кувшиново — одно из живописнейших мест в окрестностях города Вологды. Находится на левом высоком берегу Вологды реки, в окружении двух рощ. За последние годы превратилось в дачное место.

Сохранились две легенды, объясняющие название села. В первой говорится, что по реке вблизи селения росло множество белых и желтых кувшинок — отсюда и название села — Кувшиново. В другой легенде рассказывается, будто данное место в старину облюбовал помещик Кувшинов и построил здесь свою усадьбу. А уж от фамилии помещика и пошло название селца.

Сейчас, когда открыт доступ в архивы, появилась возможность на документальной основе написать историю села. Древнейшее известие о Кувшинове относится к середине XVI столетия, в то время одноименная деревня входила в состав селений, принадлежащих Кирилло-Белозерскому монастырю.

В МОНАСТЫРСКОЙ ВОТЧИНЕ

Кирилло-Белозерский монастырь — один из крупнейших вотчинников России, владел в XVI—XVII столетиях деревнями, селами и земельными угодьями в 16 уездах Московского государства, имел до 20 тысяч подвластных крестьян, беспошлино торговал «от моря до моря». В монастыре процветали искусства и ремесла, из него выходили выдающиеся книжники, писатели, иконописцы, дипломаты и государственные деятели. Основан был монастырь в 1397 году, он наибольшую известность и близость к великокняжеской и царской фамилии имел после 1446 года, когда игумен монастыря Грифон снял крестное целование с великого князя Василия Васильевича Темного, наложенного на него Дмитрием Шемякой, и благословил на борьбу за престол государства¹.

Именно к этому времени относятся первые пожалования монастырю в районе Вологды. Так, боярин Григорий Юрьевич Чашников, еще до 1456 года передал монастырю свое село Ивановское с деревнями². Среди деревень известны только две: Федотейцево и Чашниково³.

По грамоте великого князя Василия III от 14 февраля 1530 года монастырь получил, в обмен на селения в Тошненской волости, деревни в Ракульской волости: Барачево, Костюнино, Подбережково и Михальцево³. Деревни Чашниково, Подбересково и Михальцево находятся в непосредственной близости к Кувшинову.

В середине XVI столетия в Вытной книге Кирилло-Белозерского монастыря в вологодском околородье значилось 20 селений. Кроме вышеназванных записаны: Михрюково, Лазарьково, Турбецово, Осиновка, Юркино, Дебово, Вотолينو, Гнездово, Опрятново, Пудюга, Шошуково, Шубино и Кувшиново.⁴ Некоторые из перечисленных деревень сохранились до настоящего времени.

Каким же образом за столь короткое время, всего за 10 или 20 лет, в монастырской вотчине появилось более десятка новых деревень?

И вновь обратимся ко княжеским грамотам. По селу Ивановскому известно, что великий князь Василий Темный в 1456 году дал монастырю льготную и несудимую грамоту: «...кото к собе в то село и деревни призывают жити... тем людям призванным не надобе моя... дань на десять лет... сторожилцам не надобе ни писчая белка, ни ям, ни подводы²...» и т. д. всего 10 льгот. Все эти льготы были подтверждены и всеми после-

дующими князьями: Андреем Вологодским, Иваном III и Василием III. Благодаря этому «... они пустоши распахали, и людей собрали, и селцо и деревни нарядили...»². А ведь садились-то люди на необжитую, заросшую лесом землю. Монахи нередко сами снабжали переселенцев скотом и зерном, да и впоследствии их крестьяне пользовались льготами. И только, когда хозяйства крестьян крепли, с них брались посильные и не очень обременительные налоги, так как крестьяне в то время, были еще свободными и могли уйти на новые земли.

Впервые по документам Кувшиново значится в 1559 году: «Дер. Кукшиново выть. Васко на трети выти (собрал А. М.) ржи 2 чети овса 4 чети. Пашко на трети выти ржи 2 чети, овса 4 чети. Мишко на трети выти ржи 2 чети, овса 4 чети. И всех семян на Кукшинове ржи 6 чети, овса 12 чети»⁴. Документов о Кувшинове, относящихся к данному периоду, крайне мало. В вытной книге монастыря за 1560 год вновь упоминается деревня Кувшиново (а не Кукшиново, что в документе за 1559 год) с теми же работниками, да в переписной книге вотчин Кирилло-Белозерского монастыря от 1601 года записано: «Да в Михальцове две пустоши бывали Кувшиново да Шалавино, обе лесом заросли»⁴.

Во второй половине XVI столетия вотчина Кирилловского монастыря в вологодском околородье значительно уменьшилась. В 1550-х годах, у монастыря были изъяты село Ивановское и большинство деревень, которые были переданы в частное владение. К началу XVII века в данном районе за Кирилло-Белозерским монастырем числилось только село Михальцево на перевозе, где, по всей вероятности, имелась и водяная мельница, которая значилась в документах середины XVIII века⁵. В последствии монастырские крестьяне кувшиновские земли распахали, но деревня восстановлена так и не была.

ДВОРЯНСКОЕ ИМЕНИЕ

Владение Кирилло-Белозерского монастыря вблизи Вологды просуществовало до второй половины XVIII века. В 1764 году по указу Екатерины Великой все церковные и монастырские земли были секуляризированы и переданы государству⁶. После этого недолго Кувшиново оставалось пустошью. Уже в 1789 году оно значится селцом, в котором располагалось поместье господ Пармена Матвеевича Лермонтова и Петра Тимофеевича Мельгунова (1 двор, 29 душ мужского и 18 женского пола).⁷

Мельгунов приходился Лермонтову зятем — был женат на его дочери Маргарите. Семья помещиков в то время в Кувшинове не проживала, господский дом еще строился. А сами Лермонтовы — Мельгуновы жили в богатой усадьбе «Ермолово», что находится километрах в четырех севернее Кувшинова (вологжанам более известно, как пионерский лагерь «Строитель»), у родственников Одешовых. В огромном трехэтажном доме, нижний этаж которого был каменный, второй и третий деревянные, опущенные тесом, имелись: две гостиных, бильярдная, крепостной театр, зал, буфет, библиотека, зимний сад, гувернапская, детская, классная, три девичьих, каминная, балконная, два кабинета, синяя, желтая комнаты, две спальни и т. д., всего 38 комнат.

Внутренняя обстановка поражала красотой и величием. В зале во всю стену висела икона преподобного Феодосия Тотемского, четыре подзеркальных столика с белыми мраморными досками на деревянных рез-

ных золоченых ножках, шесть ломберных столов, оклеенных ореховым деревом и зеленым сукном на резных ножках, диван с пружинами, обитый синей материей и оклеен ореховым деревом и т. д.⁸.

Сам хозяин усадьбы — Алексей Васильевич Олешов; философ, краевед, первый губернский предводитель дворянства, к этому времени (в 1788 г.) уже скончался, в имении проживала его вдова Мария Васильевна, урожденная Суворова, младшая сестра великого полководца, с сыном Василием⁹.

Жена П. М. Лермонтова, Мария Васильевна, урожденная Барш, была племянницей А. В. Олешова. Кстати, по родословной Олешовых видно, что многие рода вологодских дворян были в родстве с Лермонтовыми — Мельгуновыми. Это — Межаковы, Засецкие, Волковы, Эндоуровы и т. д.¹⁰. Возможно кое-кто из них встречался с будущим генералиссимусом — Александром Васильевичем Суворовым, который по воспоминаниям Ф. Фортунатова, вместе с сыном Аркадием, приезжали гостить в сельцо «Ермолово»⁸.

Родовым имением Лермонтовых было сельцо Дор. Высоковской волости, где на средства П. М. Лермонтова была построена Дмитриевская Исаевская церковь¹¹.

Для справки: Лермонтовы — дворянский род Шотландского происхождения, его предки в начале XVII века выехали в Польшу, а затем Георг Лермонт перешел в ряды московских воинов.¹² Несомненно, что потомками одного рода являются, как первый кувшиновский помещик, так и великий русский писатель М. Ю. Лермонтов.)

Род Мельгуновых из мелкопоместных дворян, во второй половине XVIII столетия был известен Алексей Петрович Мельгунов: друг фаворита Елизаветы И. И. Шувалова, фаворит царя Петра III, при Екатерине II — управляющий Новороссийским краем, сенатор, президент камер-коллегии и директор винокуренных заводов, в 1780 годы ярославский и вологодский генерал-губернатор¹³. Вероятно он был родственником кувшиновских Мельгуновых и при его посредничестве была приобретена из бывших монастырских земель пустошь Кувшиново.

Документов о жизни кувшиновских помещиков сохранилось мало. В 1800 году Пармену Матвеевичу Лермонтову шел 62-й год, он был вдов, его зятю исполнилось 40 лет, а дочери — 34. В семье дочери пятеро детей: Алексей, Павел, Екатерина, Марья, Александра¹⁴. Как и большинство дворян того времени, они получили хорошее домашнее воспитание: знали французский язык и литературу, получили музыкальное образование, владели и русской грамотой, но например, Екатерина, в последствии замужем за Николаем Ивановичем Одинцовым, предпочитала переписываться по-французски, читала французские книги, и даже библию имела на французском языке. По ее мнению крепостные являлись потомками хама и обязаны были служить благородному сословию¹⁵, скорее всего, этого мнения придерживались все Мельгуновы.

Сыновья Мельгуновых Алексей и Павел стали военными артиллеристами, дослужились до штаб-капитанов. Старший Алексей, скорее всего, принимал участие в Отечественной войне 1812 года; а младший Павел с 1808 по 1811 годы участвовал в войне с Турцией; летом 1812 года оставался в войсках, которые прикрывали направление возможного нападения со стороны Турции. Осенью 1812 года в корпусе генерал-лейтенанта Сакена участвовал в сражении под Брестом при местечке Войсловичи, затем в составе корпуса генерала от инфантерии Докторова в сражении под Лейпцигом

и при блокаде крепости Магдебург, за отличия был награжден медалями и золотой шпагой с надписью «За храбрость»¹⁶.

Интересен дом помещиков Лермонтовых — Мельгуновых, который жителями Кувшинова называется Житловским, а в официальных документах домом — Луначарского. Если смотреть на дом из-за реки, то он кажется двухэтажным, а со стороны села воспринимается трехэтажным. По-видимому этот дом можно именовать одноэтажным с полуподвальным этажом и антресолями.

Нет сомнений, что сами помещики жили на первом этаже, а дворовые люди теснились в полуподвале и на галерке. Описание внутренних покров, к сожалению, не сохранилось и они, конечно, уступали ермоловскому великолепию, но по-своему тоже были красивы. На основе отрывочных документальных сведений плана села от 1898 года и воспоминаний старожилов попытаемся восстановить облик имения Кувшиново.

С южной стороны дома прямо от балкона по берегу до самой воды спускался лестница. С северной стороны располагался небольшой, вытянутый вдоль дома сквер, живой изгородью которого являлись кусты акации. Интересно, что примерно такая же круглая аллея из акаций сохранилась и в селе Дор Высоковского сельсовета. С восточной и западной стороны дома, располагались два небольших парка, следы западного видны и в настоящее время. Сразу же за сквером вдоль реки, проходила дорога, за которой имелось несколько построек: флигель, хлев, конюшня и каретник. По берегу, ниже по реке за парком, находились огороды, а через дорогу от них барский сад, остатки его сохранились до 60-х годов нашего столетия. С севера от селца располагались две рощи, которые содержались в чистоте, а дорожки в них подметались¹⁷. На восточной окраине одной из рощ имелся пруд с ключевой водой, к деревянной беседке отровка был перекинут мостик¹⁸.

После смерти Петра Тимофеевича Мильгунова имение Кувшиново перешло Алексею, а Павлу — село Дор. Алексею Петровичу Мельгунову только в Вологодском и Кадниковском уездах принадлежало 117 душ мужского пола, а также имелись небольшие владения в Костромской¹⁹ и Ярославской²⁰ губерниях. Впоследствии А. П. Мельгунов часто болел, сказывались, вероятно, старые раны. Сын Петр также, как отец и дядя был военным артиллеристом и дослужился до штабс-капитана, после чего преподавал в дворянском полку, но впоследствии заболел «падучей болезнью» и в припадке покончил жизнь самоубийством. Дочь Александра Алексеевна Мельгунова была некрасива собой, еще девицей сбежала из Кувшинова к тетке Александре и жила у нее в Вологде. Долгое время (до 30 годов) оставалась девицей, но когда стала обладательницей хорошего состояния, ей предложил руку и сердце Павел Васильевич Квашнин-Самарин, потомок славного рода великих московских бояр. Промотав свои имения, он принял и за имения жены, а вскоре разорил ее, израсходовав до 20 тысяч рублей серебром и покинул¹⁵. После этого, в конце 1860 или начале 1870 годов имение Кувшиново перешло к землевладельцу Андрею Андреевичу Попову. У него и было куплено затем Вологодским губернским земством¹⁷.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЛЕЧЕБНИЦЫ

Земства в России стали организовываться с 1864 года и постепенно в их руках сосредоточились все важнейшие рычаги управления местной жизнью. Земства определили натуральные и денежные повинности,

заботились об обеспечении населения продовольствием, занимались организацией врачебной и ветеринарной помощи, способствовали развитию земледелия, торговли и промышленности, в их ведении находилась работа почты, страховых обществ, лечебных, учебных и благотворительных заведений²¹.

В 1869 году Вологодское губернское земство приняло от приказа общественного призрения капиталы, благотворительные учреждения и больницы, в том числе и отделение душевно-больных (Раньше, с XI по XVIII столетия, душевно-больных призревали в монастырях, а 1775 года были созданы приказы общественного призрения, на которые была возложена забота о благотворительных учреждениях)²².

В 1873 году на Московской улице (Советском проспекте) было построено одноэтажное каменное здание, для размещения 30 душевно-больных. Количество душевно-больных постоянно возрастало, в 1877 году их было — 37 человек, а в 1882 году уже 80 человек. Для размещения душевно-больных был нанят специальный дом на Московской улице, а также использован флигель по Козленской улице²³, но все равно места для размещения больных не хватало. «Тесные, грязные, темные, непригодные для своей цели здания были переполнены озверевшими, потерявшими всякий образ и подобие божие людьми. Среди этой грязной, циничной озлобленной толпы царил неумолимая цинга, — обычный спутник грязи, скуки, плохого воздуха и однообразного питания... и был год, когда это заболевание приняло размеры настоящей эпидемии... всякого заболевшего везли сюда почти без малейшей надежды на то, что он выздоровеет... Общим для всех больных исходом была смерть, — или неизлечимое слабоумие... крестьяне прячут больных по темным чуланам, скрывая их от полиции и держа нередко на цепи» так описывал то время врач А. А. Яковлев¹⁷.

В 1882 году было решено построить специальную лечебницу в пригороде Вологды, первоначально остановились, облюбовав дер. Фрязиново (в районе современной улицы Пугачева), затем в Дюдиковой пустоши (в районе современного магазина «Бригантина») и только в 1887 году решили прискакать место за городом. Для этой цели могли бы подойти пригородные помещичьи усадьбы, например, Чехолдино и Екатеринское на реке Тошне, Семенково и Ивановское на суходоле, Чашниково и Кувшиново на реке Вологде. Правда цены «кусались». Например, Ивановское продавалось за 24 тысячи рублей, Чашниково было оценено еще дороже и лишь владелец Кувшинова, представитель губернского земства Андрей Андреевич Попов, понизил стоимость сельца до 10 тысяч рублей²³.

21 сентября 1887 года земство постановило: «...т.к. усадьба Кувшиново предполагает значительные удобства для постройки дома и колонии душевно-больных и сумма значительно менее цены других усадеб, то по вопросу о прискакивании места остановиться на данной усадьбе...».

Площадь имения составляла 40 десятин земли, но 4 десятины с расположенным на нем кирпичным заводом, А. А. Попов оставлял за собой¹⁷.

Для строительства зданий лечебницы была создана специальная комиссия в составе председателя губернской земской управы Виктора Николаевича Саблина и членов: Александра Васильевича Гунина (осуществлявшего непосредственный контроль за стройкой), Анатолия Александровича Брянчанинова и Николая Михайловича Попова, все члены губернского земства. Руководил строительными работами губернский гражданский инженер Александр Иванович Ремер, его помощником был назначен десят-

ник Цветов (инициалы в документе отсутствуют)²⁴. Было решено построить два двухэтажных каменных здания: мужское на 50 коек, и женское на 30 коек. Их спроектировал в фабричном стиле архитектор Штрам¹⁷.

Весь подряд на поставку 1.100.000 штук кирпича для мужского корпуса взял на себя бывший владелец Кувшинова А. А. Попов. Известь поставил казачий купец Александр Андреевич Быченков, бревна сосновые и еловые поступили с лесного двора купца В. Н. Гирша, доски сосновые — купца Р. П. Рыбникова, каменные плиты с завода купца А. Е. Волкова и сыновей, огнеупорная асфальтовая толь — с петербургской фабрики В. А. Парманина и т. д. Интересно, что многие крестьяне потомки которых и сейчас работают и живут в Кувшинове, брали подряд на поставку булыжного камня. Это Александр Васильевич Балашов из дер. Нагорское, Александр Федорович Жилин из с. Ивановское, Алексей Круглов из дер. Варламово, из дер. Мольбища и т. д.²⁵

Кирпичную кладку мужского корпуса производил арзамасский мещанин «каменных дел мастер» Павел Васильевич Плотников.

9 июля 1889 года состоялась торжественная закладка мужского здания, а в 1890 году кладка стен была завершена. К отделочным работам приступили незамедлительно. Столярные работы производили Сергей Харитонович Зайцев, Дмитрий Федорович Шахов и Иван Андреевич Бакланов, штукатурные — Алексей Капитонович Ваулин, малярные — Алексей Сурьянов и т. д.

Перед тем, как отдать подряд на поставку материалов или строительные работы, губернское земство проводило торги. За исполнение плотничьих работ бралось, например, три подрядчика: Иван Бакшуров, Константин Маймистов и Федор Костылев. Каждый из подрядчиков обязывался произвести работы в срок до 1892 года, с хорошим качеством, неисправности ликвидировать за свой счет. На торгах самую низкую цену за работы назначил Федор Костылев — 360 рублей. Он и стал исполнителем этих работы.

В том же в 1890 году был заложен женский каменный корпус. Кладку его производил Егор Постников. За возведение каменной водокачки и кухни с водонапорной башней взялся крестьянин Семенковской волости с. Коровничья (современные Прилуки) Александр Александрович Кошелев. Прилуцкие каменщики вообще считались лучшими в губернии.

Кирпич для строительства женского здания поставили А. А. Попов и купец Иван Николаевич Нечаев, завод которого находился у Горбачевского кладбища. Он же дал кирпич на строительство водокачки и кухни. Установку котлов, насоса, водопровода и канализации производил ярославский мещанин Экзакустодион Арсентьевич Тепен²⁵.

Новые здания в Кувшинове были рассчитаны на 80 больных, но уже к январю 1892 года число их возросло до 160. Поэтому параллельно с отделочными работами в каменных зданиях приступили к постройке двух деревянных барачков на 50 человек каждый, а также строилась часовня с помещением для вскрытия умерших¹⁷.

В январе 1892 года после перевыборов, председателем губернской земской управы был избран дворянин Виктор Александрович Касаткин²⁶. Он вместе с новым составом управы энергично принялся за урегулирование вопросов по ускорению строительства в Кувшинове. В результате уже в июне оказалось возможным начать перемещение больных в Кувшиново, правда спокойные больные из городских зданий переселились в бывший

помещичьий дом еще 1 ноября 1890 года. Хотя недоделок было еще много: женский корпус отделан только в черне, кухня неготова, кроватей и мебели нехватало и т. д. Переселение больных завершилось к июлю 1892 года.

Спешность переселения объяснялась опасностью заболевания холерой. Болезнь подступала к городским и пригородным отделениям, находившимся в ужасных санитарных условиях. В силу этого открытие лечебницы прошло без торжественных мероприятий.

Своим становлением психиатрическая лечебница во многом обязана первому главному врачу Алексею Александровичу Яковлеву. В Кувшинове коренным образом изменился уход за больными, улучшилась диагностика и лечебная работа, стала применяться гидротерапия и электротерапия. Очень большое внимание Яковлев уделял трудотерапии: «Новые формы быта наших душевных больных прежде всего выразились во введении в лечебнице массового физического труда больных...»¹⁷.

Весной 1892 года часть бывшего помещичьего сада расчистили под огород, в июле организовали покос, осенью в одной из комнат корпуса оборудовали мастерские — портняжную, сапожную и переплетную. Женщины шили, плели кружева, пряли, вязали чулки и выполняли другие работы.

Мужчины в мастерских работало не много — около 12 процентов, поэтому большинство заняли на полевых и огородных работах. За лето 1895 года было заготовлено сена 480 пудов, овса 150 пудов, картофеля 234 четверти. На огороде росли брюква, свекла, морковь, огурцы (было собрано 7 тысяч штук), лук, томаты, вызрели 92 дыни и 5 арбузов. Но более всего кувшиновские огороды славились капустой — «белокочанной», «брюссельской», «красной», «цветной» и т. д. На зиму было заготовлено 380 пудов квашеной капусты²⁷.

В 1897 году успехи были еще более значительными — на кувшиновских огородах выросло 1000 шампиньонов, 89 дынь и 25 арбузов. За овощи лечебница получила 146 рублей дохода, а от продажи цветов — 236 рублей. Овощи кувшиновского огорода подавались к столу начальника губернии, предводителя дворянства и других чиновников²⁸.

СТРОИТЕЛЬСТВО ХРАМА

До революции церковь в жизни прихожан играла огромную роль. В храме человек крестился, венчался, туда же нес свою радость и горе. Нравственно-духовное воздействие церкви на человека считалось настолько ощутимым, что применялось при лечении больных.

В 1896 году в Кувшиновской лечебнице было 265 больных и свыше 50 служащих. Главный врач Алексей Александрович Яковлев писал в послании к вологодскому епископу Алексию: «Вся эта толпа... русских людей, привыкших с измальства чувствовать свою близость к церкви, как к единственному пристанищу во всем их многообразии невзгод и бедствий... Вся его (человека А. М.) жизнь проходит близ церкви, все его крупнейшие жизненные события — протекают при постоянном вмешательстве церкви и лишение ее — служит для него истинным бедствием... в то время, когда до Кувшинова со стороны вологодских церквей доносится мирный колокольный звон, призывая русский православный люд к церковному слушению — вся эта толпа с завистью смотрит в сторону Вологды... Укази

преосвященнейший Владыко нам путь к приобретению храма Божия... твердо верим мы и в то, что на твой пастырский голос, прозвучавший за правое и благое дело, отзовутся лучшие люди русской земли...»²³.

Преосвященнейший Алексей посетил Кувшиново в июле 1896 года. Он пришел к выводу, что постройка церкви в лечебнице необходима. Обращаясь в губернскую земскую управу, писал: «При посещении лечебницы для душевно-больных в с. Кувшиново, знакомясь с ее благоустройством и внутренним порядком жизни больных, заметил я, что отсутствием храма в лечебнице больные лишены необходимого со стороны религии средства духовно-нравственного воздействия на их самочувствие, а через это и на излечение... призывая на благопоспешное осуществление этого святого дела Божие благословение имею честь покорнейше просить Вологодскую губернскую земскую управу... войти в суждение о необходимости построения в центре лечебницы для душевно-больных храма...»²³.

На очередной сессии губернского земства 27.02.1897 года обсуждался вопрос о постройке храма в лечебнице. В итоге принято решение: построить при лечебнице деревянный храм Николая Мирликийского в память «священного коронования их императорских величеств государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Федоровны», ассигновать 15 тысяч рублей.

К осени 1897 года проект, план и смета на постройку деревянной церкви были готовы. 1 октября епископ Алексей выехал в Кувшиново и вместе с представителями губернской управы выбрал место для постройки церкви. Летом 1898 года намеревались приступить к построению в Кувшинове деревянного храма, но неожиданно возник вопрос о постройке каменного. К 1900 году вопрос о постройке каменной церкви в психиатрической больнице был решен и ассигновано 20 000 рублей. Храм строился по типу Вельской тюремной церкви, спроектирован вологодским губернским архитектором В. А. Альберти²³.

Вновь на поставку материалов и постройку храма были проведены торги, по результатам которых поставку булыжного камня произвел купец Михаил Иванович Масленников, бревна и доски поставил мещанин Степан Акимович Артемов, известь — купец Александр Андреевич Быченков, а кирпич — 200 тысяч штук с завода исправительного арестанского управления (современная тюрьма по ул. Чернышевского) и 130 тыс. штук с завода Ивана Николаевича Нечаса.

Качество материала и строительных работ принимала строительная комиссия: председатель, член губернской земской управы Николай Петрович Матавтин, ответственный за проведение работ — губернский архитектор Алексей Васильевич Скрябин, заведующий лечебницей Александр Петрович Петров, которого вскоре заменил старший надзиратель лечебницы Сергей Андреевич Шорин и десятник Протопопов²³.

В октябре 1900 года состоялась торжественная закладка храма. Земляные работы и каменную кладку произвел подрядчик, крестьянин из деревни Труфаново Василий Васильевич Долгов. К осени 1902 года каменные работы были завершены, начались отделочные работы. Иконостас и три киота с иконами, украшенные резьбой покрытой позолотой сделал мастер Василий Илларионович Махов, одежды для священнослужителей и церковную утварь поставила мещанка Яковлева; на ярославском заводе П. И. Оловяникова были приобретены 7 колоколов общим весом 46 пудов 8 фунтов, вес большого колокола 20 пудов 31 фунт. На постройку и украшение церкви губернским земством было затрачено 27 901 рубль 69 коп., в том числе только 2 134 рубль 69 коп. пожертвованы частными лицами²³.

Торжественное освещение церкви состоялось 3 февраля 1903 года в присутствии представителей губернских, городских и уездных властей, при большом стечении верующих²⁹.

Церковным старостой был назначен старший надзиратель лечебницы С. А. Шорин. Вначале службы в церкви вел священник Введенской Ракульской церкви, а осенью 1903 года священником Николаевской Кувшиновской церкви был назначен Павел Сибирцев, который уже в сентябре вместе с заведующим лечебницы С. П. Суховым и церковным старостой Шориным определили место для кладбища. Вологодское губернское правление разрешило 23 декабря 1903 года устроить кладбище в 150 сажнях на северо-восток от жилых помещений села Кувшиново²³.

Хоронить на кладбище умерших стали с 1904 года. Кладбище остается действующим по настоящее время.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Начало XX столетия совпало с политическим пробуждением масс, чему в Вологде способствовало общество «Просвещение» и множество ссыльных. Известный философ Н. А. Бердяев впоследствии вспоминал, что ссылка Володы разделилась в то время на два течения: «аристократическое», к которому принадлежали Щеголев, Ремезов, Савенков и сам Бердяев, и «демократическое», которое возглавляли Богданов-Малиновский и Луначарский. «Аристократия» была независима и свободна в своих суждениях, имела широкие связи с земским обществом города. «Демократия» держалась более замкнуто, стремилась к подчинению личности коллективом. Революционная демократическая интеллигенция считала, что только путем военной дисциплины она может самосохраниться³⁰.

Самой калоритной фигурой среди ссыльных демократов был Александр Александрович Малиновский, более известный под литературным псевдонимом Богданов: 27—28 лет, среднего роста, широкоплечий, со светлыми волосами и русой бородой и усами, с огромным лбом, придающим суровое выражение лицу, а твердые очертания подбородка говорили об упорной воле, настойчивости и уме³¹.

С 1 октября 1901 года по 1 июля 1902 года А. А. Малиновский работал врачом-ординатором Кувшиновской лечебницы³². В то время отделения за врачами распределялись следующим образом: 1, 2 и 3 мужские отделения были закреплены за заведующим лечебницей Александром Петровичем Петровым, несколько позднее — за Осипом Васильевичем Аптеманом (все эти отделения находились в каменном мужском корпусе). Женскими отделениями заведовала врач А. Е. Маркова. А. А. Малиновский отвечал за мужские отделения: IV — слабых больных, находившихся в деревянном бараке (позднее — соматическом отделении), V — спокойных хроников, отделение находилось в каменном мужском корпусе, и VI — рабочих-хроников, которое располагалось в двух избах по берегу реки, вблизи водокачки³³.

Богданов-Малиновский проживал вместе с женой Натальей Богдановой в бывшем помещичьем доме. В этом же доме жили фельдшеры И. Е. Ермолаев и К. П. Гусев, а также 19-летний Зайкевич. Жили — коммуной³⁴.

В Кувшинове А. А. Богданов систематически работал, к этому времени он опубликовал: «Курс политической экономии», «Основные элементы исторического взгляда на природу» и написал книгу «Познание с исторической

точки зрения». Не менее 8 часов в день он посвящал писательской работе, много читал, мог прочесть 100 страниц за час.

В квартире А. А. Богданова в феврале 1902 года поселился известный революционер А. В. Луначарский, который позднее вспоминал, что в Вологде в то время часто проходили собрания и диспуты, на которые «мы ездили из Кувшиново в Вологду и к нам постоянно приезжали гости»³⁵. На несколько месяцев Кувшиново стало центром вологодской демократии.

Именно в Кувшинове Богданов задумал написать научно-фантастический роман «Красная звезда», а в нем впоследствии, несколько строк посвятил лечебнице: «Она находилась в нескольких верстах от губернского города, была очень скверно устроена и всегда страшно переполнена, с замученным работою медицинским персоналом..., очень либеральной земской управой»³⁶. Даже прототипом соборного Владимира в романе был молодой друг Богданова — фельдшер Ермолаев, с которым они вместе работали в психолечебнице³². Уже и тогда в Кувшинове демократы готовились к предстоящей революции, обговаривали планы захвата власти, стреляли из учебных револьверов. В семье Богдановых-Малиновских сохраняется легенда, как однажды Луначарский по рассеянности едва не застрелил своего друга Богданова.

Кто именно приезжал в Кувшиново сейчас установить трудно. Вероятно это ссыльные работники земства П. П. Румянцев и А. С. Суворов³⁵. По сведениям полиции, Луначарский постоянно встречался с Щеголевым, Савенковым и Ждановым. А Малиновский близко знаком с В. А. Кудрявым (гласным поднадзорным — председателем губернской земской управы), Ждановым, Сигорским и врачом Снятковым³⁷.

Бывал в Кувшинове и известный писатель Алексей Михайлович Ремезов, в то время также ссыльный, которого власти пытались вернуть из Вологды в Усть-Сысольск. Ремезов симулировал душевное заболевание и специально приезжал к врачу Малиновскому: «Он будет слушать меня ласково... своими чистыми глазами глядя на меня... дал мне конфету, — он всегда носил очень вкусные «успокоительные» конфеты...»³⁸.

Богданов не пил и не курил, правда на прощальном вечере, когда все покидали Кувшиново и где было выпито полтора ведра пива, сидел за общим столом, где особенно отличился будущий нарком Луначарский³⁴.

Уход с должности врача лечебницы, совпал у Богданова с появлением в Кувшинове нового заведующего О. В. Аптекмана. По воспоминаниям Ермолаева, Аптекман страдал магией величия и ввел невозможный режим работы для врачей, фельдшеров и служителей. Этим он объясняет увольнение Богданова из лечебницы. Правда у И. Е. Ермолаева был конфликт с доктором Аптекманом. В заявлении Богданова-Малиновского от июня 1902 года выражается просьба об увольнении от должности в связи с «возрастающим нервным переутомлением»³⁹.

Ко времени приезда в Кувшиново Осипу Васильевичу Аптекману исполнилось 53 года, за плечами была необычная, полная приключений, лишений и страданий жизнь. В 1871—1875 г.г. он являлся членом народовольческого кружка «Земля и воля», вместе с Софьей Перовской, Кропоткиным, Лопатиным и другими. В 1875 году пошел «в народ», работал земским врачом в Пензенской губернии. В 1879 году был вызван в Петербург, для подмоги Плеханову, вошел в редакцию газеты «Черный передел». 31.01.1880 года арестован и заключен в Петропавловскую крепость, вскоре выслан в Якутию. Вернулся в 1886 году и уехал за границу. В 1888 году работал в Самарской губернии земским врачом. В 1892—1893 годах боролся с холерой, заболел и чуть не погиб, подхватил сыпной тиф. В 1894—1895 годах рабо-

гал психиатром в Колмовской больнице. В Смоленске участвовал в работе социал-демократического кружка, затем приехал в Вологду⁴⁰.

В Кувшиновской психолечебнице положение было трудное, больных на 100 человек больше планового. Сменился весь персонал надзирателей, но особенно тяжелое было положение прислуги: жили с больными в одних зданиях, зарплата маленькая, работа тяжелая. В 1902 году было принято на работу прислугу 117 человек, а 91 уволены. О. В. Аптекман обращался в земскую управу с предложениями: увеличить оклады, построить жилые помещения и зал для развлечений³³.

Проработав около года Аптекман покидает лечебницу. Его преемник врач Е. К. Игансен писал: «Помещений не прибавилось, но больных стадо больше... Теснота такова, что лечебница начинает терять уже свой лечебный характер»⁴¹.

ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

13 мая 1907 года на должность заведующего лечебницей был приглашен врач-психиатр Павел Павлович Стрельцов — один из лучших психиатров своего времени. Он ознакомился с многими психиатрическими больницами Европы, учился у лучших французских психиатров, до Вологды работал в психобольницах Москвы и Херсона¹⁸.

Ознакомившись с работой Кувшиновской лечебницы, П. П. Стрельцов обратился с требованием к губернскому земству: «Три врача на 475 человек больных есть печальное недоразумение... Требуется кроме заведующего еще четыре врача... Нижние служащие живут в высшей степени скученно в отделениях, отнимая место у больных и не получая столь необходимого при их тяжелых занятиях отдыха...»⁴².

Он поднимает вопросы о строительстве жилых домов и заразного барака, который был выстроен. Обращается в земство о постройке школы в селе — количество детей к этому времени возросло до 50 детей школьного возраста. Добивается увеличения зарплаты. Особенно тепло отзывается о среднем персонале, который «целиком заслуживает глубокого уважения и перегружен работой»⁴².

Так же, как и Яковлев, Стрельцов большое внимание уделял трудотерапии. При нем работали мастерские: сапожная, портняжная и столярная. В 1907 году от сельского хозяйства был получен доход около тысячи рублей, еще больший доход лечебнице приносил лечение алкоголиков, военных, административных ссыльных, железнодорожников, пенсионеров, за испытание рекрутов и арестованных — 3018 рублей⁴².

При всех трудностях П. П. Стрельцов требовал внимательного отношения к больным, строго наказывал за грубость и побой. Именно такое отношение заведующего лечебницы к исполнению персоналом своих обязанностей и послужило поводом к забастовке в мае 1908 года.

18 мая служащие Сергей Копейкин и Иван Александров выводили больных на прогулку, один из больных не желая выходить из помещения, начал рваться из рук санитаров и стукнувшись головой о стенку; закричал, что его избивали. Директор уволил обоих служащих, что послужило причиной недовольства среди части младших служащих. По их просьбе брат уволенного, Александр Копейкин, отправился в контору и объявил Стрельцову ультиматум: вернуть уволенных или большая часть служащих подаст заявления об увольнении. П. П. Стрельцов обругал Копейкина и выгнал из кабинета, уволив последнего с работы за дерзкое обращение.

На следующий день собрался больничный совет, но заведующий объяснив причины увольнения, отказался менять свое решение. 21 мая в знак протеста, часть служащих пяти мужских и двух женских отделений обратилась к заведующему лечебницы с пакетом требований: обратный прием уволенного, который угрожал массовым увольнением, отмена должностей кандидатов надзирателей, свободное замещение друг друга на дежурствах и пользование свободными часами без ограничения с ведома надзирателя отделения.

П. П. Стрельцов пообещал к сентябрю разработать проект правил внутреннего распорядка и согласился с требованиями служащих, кроме одного — восстановления на работе уволенного. Обе стороны обратились в земскую управу, но и там предложили «вступить в оправление своих обязанностей и смирно ждать ответа». А служащие вместо этого приступили к активным действиям: на всех отделениях принялись агитировать за забастовку. Прошло несколько митингов на которых высказывались очень резко, вплоть до угрозы физического воздействия на заведующего.

В забастовке активное участие приняли: братья Иван и Михаил Анисимовы, Василий Морозов, Григорий Тарабухин, Елизавета Сайкина, Анна Железовская, Константин Березин, Сергей Росляков и другие. Число бастующих достигло 50 человек ⁴³.

К вечеру в Кувшинове появились жандармы во главе со становым приставом Воротиловым. Митингующие разошлись. Ночь прошла спокойно. Но 22 мая никто из бастующих на работу не вышел. К 10 часам в село приехал сам уездный исправник, 49-летний действительный статский советник Александр Иванович Алексин, и предложил встретиться с выборными бастующих, но к конторе лечебницы пришло около 30 человек. На предложение входить по одиночке — отказались, мотивируя тем, что требования у всех одни и те же. А Алексин с толпой разговаривать не пожелал и вызвал казаков.

В полдень в село прибыл отряд казаков в 40 сабель. С разрешения Стрельцова жандармы вошли в комнаты служащих и арестовали 25 человек, в т. ч. 5 женщин. Арестованных под конвоем казаков отправили в вологодскую тюрьму. В селе остались жандармы, трое из которых охраняли Стрельцова. После расследования все арестованные получили сроки тюремного заключения от недели до трех месяцев ⁴³.

Хотя надзирательский и врачебный персонал лечебницы не принимал участия в «демонстративных действиях», как назвали забастовку в суде, но многие из них были недовольны решениями Стрельцова, а врач ординатор С. А. Воскресенский в знак протеста подал заявление об уходе ¹⁸.

По легенде, известной в Кувшинове, многие земские врачи перестали общаться с заведующим лечебницей, в конце концов Стрельцов не выдержав морального давления, покончил жизнь самоубийством ¹⁸. И сегодня на местном кладбище стоит памятник, на котором написано: «Директор Кувшиновской лечебницы Павел Павлович Стрельцов, родился в 1862 году, скончался 11 января 1910 года». На обороте: «Губернское земство — своему работнику».

После Стрельцова заведующим был приглашен врач Василий Васильевич Роткевич. Он также, как и предшественник большое внимание уделял трудотерапии, работали мастерские: сапожная, портняжная, переплетная, столярная и слесарная, в которых работало 260 мужчин и 111 женщин. Больные также набивали ледники льдом, ухаживали за скотом, пилили и кололи дрова и т. д. В Кувшинове со знанием дела велось садоводство,

больные очень любили заниматься цветами, которые выращивались круглогодично. Для сбыта их был специально открыт магазин в здании губернского земства (дом Витушешникова на набережной VI армии). Силами больных к 20-летию юбилею лечебницы были приведены в порядок основные роши, построены большая теплица с печами, 6 парников и кладовая-цехгауз⁴⁴.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

До февральской революции никаких особых событий не происходило, лечебница жила своей размеренной жизнью. С марта 1917 года наступила некоторая демократизация: был образован революционный комитет из 7 человек, к которому перешло все управление лечебницей. Вскоре комитет был преобразован в больничный совет в составе 4 врачей, 4 лиц среднего персонала и 4 нижних служащих. В ноябре число нижних служащих было увеличено до 8 человек. Совет возглавил заведующий В. В. Родкевич.

Проведение в жизнь декретов советской власти вызвали нарушения привычной жизни в лечебнице. В сентябре 1918 года насаждался декрет о недопустимости службы родственников на одном предприятии, что ударило в первую очередь по нижним служащим. Вскоре стал рассматриваться вопрос о сокращении штата в связи с уменьшением числа больных. Усилило волнения и проведение в жизнь декрета об отделении церкви от государства, так как решался вопрос о содержании священника и псаломщика на средства персонала. Этот вопрос особенно обострился после похороں служителя Петухова, вдова которого уплатила 40 рублей священнику из 75 собранных по подписке⁴⁵.

Нижние служащие потребовали от пона деньги обратно вдове, а тот отказался. Тогда по прошению последних, Семеновская чрезвычайная комиссия, священника арестовала. В ответ на это заведующий лечебницей собрал общее собрание, которое большинством голосов (39 против 19, при 14 воздержавшихся) нарушений в действиях священника не усмотрело. И священник о. Ириной Николаевич Архангельский был освобожден.

Обсудив поражение, нижние служащие решили действовать по другому. Они рассуждали так: в стране власть рабоче-крестьянская — управление больницей должно находиться в руках нижних служащих. Началась активная агитация, где особенно выделялись Соснин, Константинов, Смирнов, Дербин и Аллилуев. Их поддержала Семеновская чрезвычайная комиссия, которая предписала: больничный совет распустить, для управления лечебницей учредить комитет из нижних служащих.

После данного решения упала дисциплина в лечебнице, указы врачей и среднего персонала нередко отменялись или просто не выполнялись. Заведующий В. В. Родкевич обратился в володский совет с просьбой восстановить больничный совет, что и произошло.

В ответ на восстановление совета нижние служащие написали прошение в Москву во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Просили «...дать малейшую помощь, выселить из нашего района закоренелых врагов, которые ранее нас давили и угнетали, и в настоящее время они также над нами издеваются и угнетают, и т. к. они сами собой устроили не комитет, а больничный совет, и вошли в него все старорежимцы, помещики, черносотинцы, кадеты и монархисты, председателем избрали врача... помещика (В. В. Родкевичу до 1926 года принадлежали сельцо Ма-

рьинское и хутор Дресвянка⁴⁶) и он для рабочих и служащих ничуть не старается...»⁴⁵.

ВЦИК данный вопрос перепоручил Вологодскому губернскому исполнительному комитету, который создал комиссию по расследованию конфликта в составе: председателя от совнархоза М. И. Волкова, от отдела труда — секретаря И. В. Фалина и членов Р. Н. Торгашева, М. П. Патрунова.

12 ноября комиссия в полном составе приехала в Кувшиново. В ходе трехмесячного расследования факты злоупотреблений со стороны старшего и среднего персонала не подтвердились. Не обнаружено и фактов эксплуатации нижнего персонала старшим, не установлено фактов грубого обращения со стороны старшего персонала, наоборот комиссией были установлены факты грубого обращения со стороны нижнего персонала в виде выкриков на собраниях: кулаки, эксплуататоры, осинное гнездо, не таких генералов валили и т. д.⁴⁵.

В конце концов комиссия пришла к выводу, что поводом для волнений было стремление части младших служащих захватить в свои руки управление лечебницей. И предложила уволить трех зачинщиков: Дербина, как бывшего душевнобольного; К. Смирнова, как человека легкомысленного и Соснина, как родственника Холмогоровых⁴⁵.

Признала, что существование больничного совета — это пережиток эпохи Керенского и он должен иметь лишь совещательное значение.

Детально рассматривая эти события, нужно отметить, что именно декреты Советской власти вызвали противостояние высшего и нижнего персонала больницы. Декреты о недопустимости совместной службы родственников и сокращение штата служащих, в первую очередь, ударили по нижним служащим. А декрет об отделении церкви от государства усилил противостояние. Комиссия по расследованию пошла по пути наименьшего сопротивления, уволив зачинщиков. На мой взгляд здесь нужен был компромисс, а в итоге в лечебнице было покончено с проявлением какой либо демократии.

ТРУДНЫЕ ГОДЫ

Живая история Кувшинова начинается с постройки больницы. С талантливых врачей — основателя лечебницы А. А. Яковлева; демократа, философа, ученого энциклопедиста, пионера кибернетики, писателя А. А. Богданова-Малиновского; известного народника О. В. Аптекмана; врача-психиатра П. П. Стрельцова; врача В. В. Родкевича; заслуженного врача РСФСР Я. М. Житловского и других.

Сохраняется память и о враче Надежде Михайловне Гаршиной (Золотиловой), жене известного писателя Всеволода Гаршина, болезнь которого привлекла ее к занятиям по психиатрии⁴⁴. Она работала в лечебнице в 1911—1921 годах. С одной стороны очень строгая к младшему персоналу, с другой — гуманна, долгое время часть своей зарплаты выделяла двум многодетным семьям¹⁸.

В основном люди приезжие сформировали облик современного Кувшинова. Своей лечебнице село обязано появлению здесь многих преданных делу людей, рождению целых семейных династий.

Кирилл Филиппович Уханов. Фельдшер, чья профессиональная деятельность началась еще в 1888 году. Это у него многому учились врачи...

Владимир Пименович Тяпин⁴⁷. П. П. Стрельцов писал о нем: «заведует мужским отделением и аптекой, снабжает лекарствами около пятисот больных и около двухсот жителей, и целый ряд амбулаторных больных — громадный, ответственный груз»⁴². Старожилы помнят В. П. Тяпина, а старушки ухаживают за его могилой на местном кладбище.

Александр Дмитриевич Холмогоров — в Кувшинове с 1908 года. Кем только не довелось ему быть, работая в лечебнице: младшим служителем, помощником надзирателя, кладовщиком, кассиром, комендантом, завхозом и помощником директора больницы...

Коноваловы — тоже старейшие жители Кувшинова. Родоначальник семьи Николай Михайлович начал работать в больнице в 1912 году. Профессия — бухгалтер, душа — чуткая, писал стихи, рассказы, его пьесы ставили синембузники, очень любил детей.

С начала века в Кувшинове жили И. А. Шемякин, Е. П. Коканова, К. П. Смирнов, И. М. Задумкин, Кашинцевы и т. д.⁴⁷.

В смутные годы войн и революций в 1914—1920 годах в селе остались жить: Быков В. С., Голубьев И. Е., Евдокимов А. И., Чижов А. Н., Перелеява К. Л., Скалина Е. Т., Давидюк В. Ф., Швейкацкий Б. М., Камерский П. В. — трое последних после ранения. Камерского, например, в селе называли дядей Пашей, он работал конюхом и заведовал конюшней. Интересно, что в 1936 году он был премирован 100 рублями, за подготовку для армии лошади под кличкой «Сашка»⁴⁸.

Основная часть жителей обосновалась в селе в 1920-е — 1940-е годы, это: Андриановы, Аравины, Арташовы, Арестовы, Бутырины, Балашовы, Бритвины, Баракovy, Вагановы, Винниковы, Волковы, Воробьевы и так далее весь алфавит, всего более 50 фамилий.

Кувшиново стало частью всей жизни для многих репрессированных выселенцев. Сейчас в Кувшинове таких осталось немного. Ребрий, Винниковы, Яшины..., рассказы их могли бы занять книги. Лидия Федоровна Ребрий вспоминает, как из села Ганское Одесской области выслали сразу 47 семей. Первоначально привезли в Прилуцкий монастырь, потом загнали под Тотьму — серу гнать, затем в Заонкиевский монастырь. В конце концов выяснилось, что большинство семей даже по тем меркам выселили из родных мест несправедливо. Некоторые вернулись обратно, а там к тому времени ни кола, ни двора. Семья Ребрий так и осталась на вологодчине.

Н. П. Винников приехал к раскулаченному отцу из Казанского округа. Большая семья поселилась в Кувшиновской церкви: людей, как в бочке сельдей. Нары стояли в два яруса по всей церкви. Когда отца перевели в Великий Устюг, семья осталась в Кувшинове. Отсидев срок, вернулся отец. Работал санитаром, а затем окончил фельдшерскую школу. В 1941 году взял на войну. За храбрость награжден орденами и медалями. Жизнь отдал за Родину, за Советскую власть где-то у города Шауляй.

Красавицу и страдалницу церковь ломали в 1936—1937 годах. Кирпич от нес возили в Михальцево, где пытались построить гидроэлектростанцию. Местные жители в последствии рассказывали, что когда крест с церкви упал, то в землю ушел и открыт его не могли. Разрушение храма больно отдалось в сердцах верующих.

Но самым тяжким испытанием для персонала лечебницы и жителей Кувшинова стала война. Уже 24 июня 1941 года был издан приказ по больнице: «Ввиду мобилизации в РККА считать уволенными: повара А. А. Кашинцева, плотников А. Егорова, П. Хохлова, санитаров В. В. Карпушева, К. И. Свинкина, А. Степанова, шофера А. П. Рослякова. Произвести окончательный расчет и выдать двухдневное пособие». Они были первыми, а сколько еще ушло вслед за ними?⁴⁹

Воспоминаний о предвоенном и военном времени становилось много. Анна Ивановна Камерская — одна из свидетельниц той поры. В Кувшиново она попала по распределению после окончания Сокольского медицинского училища в 1939 году. Обученного медперсонала в больнице почти не было: три-четыре врача, столько же фельдшеров, да сестер. Остальные выдвиненцы, то есть люди без медицинского образования. В третьем мужском отделении, куда направили Анну Ивановну, была специальная следственная палата, в ней на экспертизе все время находилось 5—6 «вредителей». А. И. Камерская до сих пор помнит директоров Сокольского ЦБК Соколова и Никанорова. В одно из первых ее дежурств на свидание к ним пришли жены с детьми. Она пустила, а потом заведующий отделением сделал выговор — свидания запрещены. Что было дальше? Трудно сказать. Врачи признали их вменяемыми и из больницы этих людей увезли.

С началом войны значительно сократили паек, некоторые больные умирали от истощения. А осенью в больницу стали поступать ленинградские блокадники. Некоторых выхаживали, многие умирали.

В конце 1941 года был открыт филиал местного госпиталя — отделение оперкойка № 1, осенью 1942 года — оперкойка № 2⁵⁰, в последствии появилась и оперкойка № 3. Больные, а это все люди с фронта, обычно тревожные, беспокойные, нервные. Первым таким пациентом А. И. Камерской был Дмитрий Зернов, который после лечения так и остался в Кувшиново. Хорошо помнит Анна Ивановна и капитана Бабарыкина. Стоя на кровати, он в течение недели командовал: «В бой за Родину, в бой — за Сталина!». Мнил себя на передовой. Подлечили и через месяц обратно на фронт.

Запомнился сибиряк-разведчик Ванечка Спигирев, поступил с полным параличем. Выхаживали, как могли. Получил на полгода отпуск и обратно на фронт.

Палаты все годы освещали лампами. А сколько мытарств было с дровами. В лес бригады посылали. А кто в них? Большею частью женщины, девушки. Возвращались дистрофиками: кожа да кости, насквозь грустуженными.

В 1946 году вторую и третью оперкойки расформировали, а А. И. Камерскую перевели на соматическое отделение. Начинаясь голодный год. Специальная команда ездил по дорогам, голодных подбирала. Кого удавалось спасти, а кого и нет.

За работу в годы войны многие работники больницы получили правительственные награды. И. М. Задумкин награжден орденом Ленина. В. Н. Коновалова — орденом Красного Знамени, В. Д. Андрианова, А. М. Шленская, А. И. Камерская и еще 25 человек — медалью «За трудовое отличие».

КУВШИНОВО СЕГОДНЯ

За последние тридцать лет облик Кувшиново изменился коренным образом. Выросли новые больничные, хозяйственные и жилые здания. Кувшиново уже не бывает оторванным от мира в период весенних паводков. В селе появились покрытые асфальтом дороги, улицы — Майская, Сосновская, Дачная.

Строительство нового Кувшиново началось в 1962 году, когда на месте земель бывшего подсобного хозяйства был заложен больничный корпус на 240 коек и хозяйственный корпус, котельная с гаражами. Больничный корпус, сданный в 1966 году, объект радости великих трудов главного врача больницы Валентины Георгиевны Трофимовой.

— Этот трехэтажный корпус сделал большую революцию в Кувшинове, — считает В. Г. Трофимова. — Приемный покой, физиокабинет, зубной кабинет, центральное отопление, водопровод, канализация — раньше об этом и мечтать не смели. А сколько со стройкой было мороки?! Необходимость каждого изменения в проекте приходилось доказывать и брать на себя письменную ответственность.

В 1960-е годы решались вопросы постройки 70-квартирного жилого дома, детского комбината, промтоварного магазина. Но самой большой удачей этого периода стало принятие решений о постройке моста через реку Вологда. Большинство жителей села до сих пор помнят, как ле-

ревозили людей и транспорт на пароме, как строились деревянные переправы — лавы, затем понтонные мосты. В весеннее время людей перевозили через реку на лодках и пароходе, прозванном «Галошей». И смех, и грех. Главный бухгалтер больницы А. А. Кузевов как-то взял да и на фотопленке запечатлил беды — как детей в школу отправляем, как больные в психозе в ледяную воду выпрыгивали, а их вылавливали. Приложил А. А. Кузевов экономические выкладки, да и в Москву отправил. Вызвали главного врача в облизполком, ох и досталось тогда Валентине Георгиевне. Но дело все-таки с мертвой точки сдвинулось.

Вскоре через реку у села были построены два моста: навесной пешеходный в 1975 году и второй — с односторонним движением автотранспорта в 1977 году. Правда, до конца проблема эта так и не была решена. Сейчас руководство больницы находится перед дилеммой: то ли построить еще два пролета к существующему мосту, то ли на ригелях сделать пешеходную дорожку. Для строительства нет подрядчика, а второй вариант не решает всех проблем.

...Кувшиново разрасталось и благоустраивалось год от года. Наверное не стоит перечислять все новостройки последнего тридцатилетия. О корпусе на 240 коек мы уже говорили, привыкли кувшинские жители и к административно-больничному корпусу, а вот третий этаж наркологического корпуса надстроили в 1991 году, несколькими годами раньше появилось каменное здание судебно-психиатрического отделения. Построены жилые здания: два 70-ти квартирные, 16-ти квартирный каменные дома, четыре 8-ми квартирные по Сосновой и семь домов из бруса по Дачной улицам. В 1969 году во все отделения больницы проведены канализация, тепло и водоснабжение. В 1981 году котельная переведена на газ, в 1991 году проложены вторые ветки электрического кабеля и водопровода, вошла в строй новая телефонная станция, территория поселка заасфальтирована⁵¹. В середине 1970-х годов непрерывно шло строительство лечебно-производственных мастерских. Построены каменные цеха корпусов и складских помещений, у истоков строительства которых стоял первый их директор Василий Павлович Камерский.

Строительство продолжается и по сей день: пристраивается каменное двухэтажное здание для ЛФК и зубо-врачебного кабинета, строится 12-квартирный жилой дом, Дом культуры, реставрируется бывший помещичий дом.

Если принять во внимание, что большинство этих зданий строилось и строится хозспособом при дефиците средств и материалов, то станет ясно, сколь тяжелая ноша у руководителей больницы и лечебно-производственных мастерских.

60—70-е годы это период и творческого подъема в коллективе больницы. В эти годы большая группа врачей занималась научной работой, опубликовано более 50 научных статей. Главный врач больницы того времени, кандидат, позднее доктор медицинских наук Эдуард Евгеньевич Бехтель — личность сложная и неординарная. Только он сам и в соавторстве опубликовал более 30 научных работ, был главным редактором трех сборников научной тематики. Львиная доля его работ исследует проблемы алкоголизма.

Ближайшим соратником главврача был Василий Егорович Прахов, в последствии также кандидат медицинских наук. Он опубликовал более 10 научных статей, основной темой которых было исследование шизофре-

нии. Научной деятельностью занимались также Р. Б. Сидоровский, М. Г. Джантемирова, В. И. Дубицкая, В. П. Перминов, А. Е. Колточник, В. Г. Трофимова, В. Р. Левицкий, В. А. Николаев, Э. В. Лобов и другие. Всего около 30 человек ⁵².

Главный психиатр здравоохранения Вологодской области Валерий Александрович Скоморохов так оценивает состояние научной работы того времени:

— Бехтель, имевший аналитический склад ума, хорошо сочетал и совмещал в себе практический подход с научным. Часто сам понуждал врачей к исследовательской работе. Бехтель исследовал биологические причины возникновения развития и протекания алкогольной болезни. Это бы-

ла господствующая концепция изучения. В наше время несколько иной подход к исследованию данной темы — психологический. Я же считаю, что это два пути изучения алкоголизма, а истина как всегда посередине.

О сегодняшнем дне психобольницы: в северо-западном регионе, уровень лечебно-диагностического процесса в Вологодской области один из лучших. Создано специализированное объединение, куда вошли: психобольница в Кувшинове, психоинтернат в Корнильеве монастыре, областной психоневрологический диспансер и лечебно-производственные мастерские, в чем большая заслуга врача А. В. Куцентов. Необходимо отметить и успешную работу лечебно-производственных мастерских при Кувшиновской больнице. В наше трудное время деятельность подобных заведений в Мурманской, Архангельской, Ярославской, Самарской, Ленинградской и ряде других областей полностью парализована, а ЛПМ в Кувшинове работают и развиваются. В чем несомненно большая заслуга руководителя Ю. В. Корешкова и всего коллектива, которые все-таки умудряются находить материалы и своевременно выполнять заказы.

В настоящее время психобольница — это небольшой городок, где работает около тысячи человек, ежегодно лечится от нервных и психических недугов до семи тысяч больных. В больнице имеются препараты мирового значения: иглолазеротерапия, лечение инфракрасным излучением. Заботы же главного врача больницы А. В. Куцента вновь о будущем — об открытии отделения интенсивной терапии, о подготовке к работе в условиях бюджетно-страховой медицины.

Жаль только, что вместе со строительством исчезает белая красота этого места. Хорошо бы вместе с реставрацией помещичьего дома восстановить парки и сквер, навести порядок в роше и на кладбище. В селе и больнице еще очень далеко до демократических перемен. Но несмотря ни на что, от души поздравляю всех жителей села и работников больницы со столетним юбилеем. Надеюсь, что наши потомки будут жить много лучше и бережно сохранят историю своей малой родины.

Александр Васильевич МУХИН.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

- 1 Кирпичников А. Н., Хлюпин И. Н.. Великая государева крепость. М., 1972, с. 8.
- 2 Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1958, с. 61.
- 3 Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель России в XVI веке. Л., 1985, с. 182.
- 4 Вотчинные хозяйственные книги М. Л., 1983, сс. 111, 406.
- 5 О сдаче мельницы в аренду. ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 6024, л. 1.
- 6 Комиссаренко А. И. Вотчинное хозяйство духовенства и секуляризациянная реформа в России. М., 1984, с. 2.
- 7 Исповедные ведомости церковей вологодского уезда за 1789 год. ГАВО, ф. 496, оп. 19, д. 240, л. 815.
- 8 Дело по прошению вдовы княгини Луизы Ивановны Волконской об утверждении ее наследницей к оставшемуся имению после мужа князя Николая Александровича Волконского. ГАВО, ф. 86, оп. 1, д. 351, лл. 33—42.

- 9 Фортунатов Ф. Заметки и дополнения вологжанина к статье об А. П. Мельгунове // Русский архив. М., 1865, 66. 919—952.
- 10 Родословная семьи Олешевых. ГАВО, ф. 673, оп. 1, д. 38, л. 1.
- 11 Прошения духовных лиц и прихожан о постройке и ремонте церквей в 1783 году. ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 3636, л. 112.
- 12 Браугауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб, т. 34, с. 578.
- 13 Трефолев Л. Алексей Петрович Мельгунов, генерал губернатор екатерининских времен // Русский архив. М., 1865, с. 873.
- 14 Исповедные ведомости церквей вологодского уезда за 1800 год. ГАВО, ф. 496, оп. 19, д. 252, лл. 971—987.
- 15 Пантелев Л. Из недавнего прошлого Вологды. Вологда, 1897, сс. 1—3.
- 16 Послужные списки дворян Вологодской губернии за 1825 год. ГАВО, ф. 32, оп. 1, д. 47, лл. 56—57.
- 17 Яковлев А. А. Краткий обзор деятельности Вологодского губернского Земства по призрению душевно-больных. М., 1898.
- 18 Старожилы села: Баталова Юлия Андреевна, Киселева Анна Аркадьевна, Осипов Иван Михайлович; записано со слов краеведа Арташевой Веры Михайловны, проживает Вологодский район, п/о Кувшиново, ул. Сосновская, д. 6, кв. 8.
- 19 Списки потомственных и личных дворян Вологодской губернии. ГАВО, ф. 32, оп. 1, д. 59, л. 237.
- 20 По отношению начальника губернии о принятии мер к сохранению имени артиллерии штабс-капитана Мельгунова. ГАВО, ф. 31, оп. 1, д. 707, лл. 1, 7, 12, 18.
- 21 Именной высочайший указ о введении в действие нового положения о губернских и уездных земских учреждениях. Вологда, 1890, с. 7—16.
- 22 Шленский В. И. Вологодской областной психиатрической больнице № 1 — 75 лет. // Вопросы психиатрии. М., 1968, сс. 3—7.
- 23 Материалы, сметы, план, переписка с духовной консисторией о постройке каменной церкви в селе Кувшиново. ГАВО, ф. 34, оп. 2, д. 69, лл. 1—258.
- 24 Журналы заседания комиссии по постройке дома в Кувшиново. ГАВО, ф. 34, оп. 1, д. 628.
- 25 Сметы на постройку мужского отделения в с. Кувшиново на 1890 год. ГАВО, ф. 34, оп. 1, д. 630, лл. 6—61.
- 26 Ковалев С. А. К истории Вологодского губернского Земства. ВГВ, 1900, № 47.
- 27 Медико-хозяйственный отчет по Кувшиновской лечебнице для душевно-больных с 1 января 1895 года по 1 января 1896 года.
- 28 Медико-хозяйственный отчет по Кувшиновской лечебнице для душевно-больных за 1897 год. Вологда, 1898.
- 29 Клировая ведомость Николаевской Кувшиновской церкви за 1914 год. ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 19509, л. 340.
- 30 Бердяев Н. А. Самопознание. Л., 1991, сс. 129—130.
- 31 Ермолаев И. Е. Мои воспоминания. // Север. 61923, № 2—3, с. 5^и
- 32 Новоселов В. И. Второе рождение романа // Красный север, 24.01.1984, с. 4.
- 33 Медикохозяйственный отчет по психиатрической лечебнице врача О. В. Аптекмана за 1902 год. Вологда, 1903.
- 34 Зайкевич В. Комунна. // Красная звезда. М., 1922, сс. 79—81.

- 35 Луначарский А. В. Из вологодских воспоминаний // Север, 1923, сс. 1—5.
- 36 Богданов А. А. Красная звезда // Русская литературная утопия. М., 1986, сс. 293—294.
- 37 Сведения о политссыльных за 1902 год. ГАВО, ф. 108, оп. 1, д. 493, л. 41.
- 38 Ремезов А. М. Иверень. // Север, 1991, № 3, с. 80.
- 39 Новоселов В. И. А. А. Богданов в вологодской ссылке // Советское здравоохранение, М., 1982, № 3, с. 69.
- 40 Деятели СССР и революционного движения России. М., 1989, с. 15—20.
- 41 Медико-хозяйственный отчет по психиатрической лечебнице за 1904 год, врач Е. К. Игансен. Вологда, 1905, с. 17.
- 42 Медико-хозяйственный отчет по психиатрической лечебнице врача П. П. Стрельцова за 1907 Вологда, 1908.
- 43 О забастовках служащих Кувшиновской лечебницы. ГАВО, ф. 136, оп. 3, д. 92, лл. 28—47.
- 44 Сергей М-ов Вести из сумасшедшего дома // Вологодский листок. Вологда, 1913, № 492, с. 3.
- 45 Материалы губернского сельскохозяйственного съезда комун и артелей по вопросу объединения. ГАВО, ф. 548, оп. 2, д. 159, л. 25.
- 46 Списки бывших помещиков, дворян и крупных землевладельцев, проживающих в Вологодской губернии. ГАВО, ф. 585, оп. 3, д. 57, л. 1.
- 47 Книга личного состава Вологодской областной психобольницы за 1919 год. Архив психобольницы № 1.
- 48 Приказ по Вологодской психоневрологической больнице № 65 от 28.06.1936.
- 49 То же от 24.06.1941.
- 50 То же от 15.10.1942.
- 51 Отчет Вологодской психобольницы № 1 за 3 года 1988—1990.
- 52 Вопросы психотерапии. Вологда, 1968. Некоторые вопросы невропатологии. Вологда, 1968. Патология. Функции анализаторов в психиатрической практике. Вологда, 1969. Актуальные вопросы клиники и терапии психических заболеваний. Вологда, 1973.